

Сын знаменитого Александра Ширвиндта, будучи потомственным актером, прославился не благодаря кино или театру, а исключительно ТВ. Многие помнят его сольный дебют в роли ведущего одной из первых телелотерей «Лотто миллион», истинную же славу наш герой снискал на «собачьей ниве» — в «Дог-шоу», которое сам и придумал. Программа, кстати, стала самой долгоиграющей на НТВ и существует уже целых семь лет. Тем, о чем Ширвиндт-младший никогда не говорил в прессе, Михаил откровенно поделился с «Собеседником».

Михаил Ширвиндт:

ЛУЧШЕ ЯЩИКИ ТАСКАТЬ,

ЧЕМ МАЛИКОВА НЯНЧИТЬ

АНДРЕЙ ДОМНИЧ

«Миронов написал: а ведь твой папа тоже неплохой актер»

— Признаться, вы почему с НТВ не ушли?

— Телекомпания «Живые новости», которую возглавляю, независима. На НТВ же, несмотря на все скандалы, мы остались в первую очередь из-за спонсорских обязательств. Что будет после сентября, когда истечет наш контракт с каналом, неизвестно...

— В семь лет вы очутились в самом любимом здании Сталина, первой московской высотке на Котельнической набережной. Каково вам, мальчишке, было соседствовать с легендами — начиная с маршала Жукова и заканчивая Раневской? (Подробный материал о ней — на стр. 19. — Ред.)

— Неизгладимое впечатление осталось как раз не от великих, а от автолеса Гены, пьяницы жуткого. В доме есть подземный гараж, куда жильцы свои автомобили ставят и где их ремонтируют. Помню, как-то летом родители уехали на гастроли, а мы с приятелем (нам лет по семнадцать уже было) решили на ночь глядя оторваться на полную катушку. Жил я на третьем этаже, по которому через весь дом идет огромная мраморная балюстрада-балкон: он летом весь в цветах, виноградом увит, по этой причине там и кран для полива есть. Мы с другом засадили за сказочно сервированным столом с водочкой аж в хрустальном графине, все такие из себя баре в халатах. Когда от жары становилось совсем невмоготу, поливали друг друга из шланга (подробнее о том, как вести себя в это время года, читайте на стр. 8. — Ред.). Кайфовали всю ночь, рассвет над Москвой-рекой встречали. Вовсю играла стереомузыка. Как сейчас помню, это был протестный, за сто рублей (нормальный стоил триста), но редкий по тем временам проигрыватель «Аккорд-стерео», который я выну-

дил купить родителей. Так как мой отец никогда не разбирался в технике (и до сих пор не разбирается), то куплена была, конечно, не самая крутая модель. Над которой очень любил потешаться друг семьи Андрей Миронов — он был фанатом хорошей техники, имел музыкальную суперсистему и кучу самых крутых записей. Он не мог смотреть на этот «Аккорд» и потому наклеил на обе колонки по куску лейкопластыря и на одном написал «Грюндиг», а на другом — «Сони». Так вот, вышеупомянутый слесарь Гена проживал аккурат над нами. Заслышав всю эту свистопляску, он высунулся из окна с та-ко-го бо-ольшого бодуна, что страшнее и придумать нельзя. Посмотрел вниз и увидел сон, мираж: у нас накрыт стол, стоят рюмки, водка сверкает в графине. Оознавая всю полноту его проблем, говорим: «Ген, заходи!» И наблюдаем природный парадокс: Генина голова еще в окне, а мы уже слышим звонок в дверь. Он влетел, мы ему — водки. Гене моментом стало прекрасно, и он сказал нетленную фразу, которую я запомнил на всю жизнь: «Я вообще-то евреев не люблю. Из евреев я люблю только трех: твоего отца, Леонид Осипыча Утесова и могилу Бернеса».

Мне всегда говорят: «Вы с самого детства знали Миронова, Гердта, Державина, Козакова...» Я никогда не знал, что это — Миронов и Гердт. Ведь в любой семье существуют друзья родителей, известные детям исключительно как дядя Андрей или, например, дядя Зяма. Лишь учась в классе в шестом, когда на экраны вышел фильм «Бриллиантовая рука», впервые понял, что Андрей Миронов — это боже ты мой! Я тогда увидел его глазами друзей. Был даже момент, когда я, в ажиотаже от неслыханной его популярности, попросил у дяди Андрея автограф. И он мне подарил свою фотографию, на которой написал: «Миша, а ведь твой папа тоже неплохой актер! С уважением, Андрей Миронов». Но это

был лишь фрагментарный случай моего отупения.

«Делал совки и сверлил дырки — просто замечательно»

— Говорят, вы меняли школы, как дамы перчатки?

— Пореже, конечно, но менял.

— Были беспросветным бездарем и хулиганом?

— Видимо, из меня просто пер неприкрытый внутренний протест. Все гуманитарии любят рассказывать, как они ничего не смыслили в физике и математике, зато по языку и литературе у них было твердое «пять». Так вот, у меня по языку и литературе были твердые, заработанные двойки. Зато по труду — «отлично». Делал совки и сверлил дырки я просто замечательно! Кажется, мог бы вполне преуспеть, если бы пошел по этой линии дальше. Но из второй школы меня выгнали за поведение. Я просто ненавидел ту школу! Для меня дороже в сто раз было гонять во дворе в хоккей и лазить на телефонную станцию за проводами — вот это была жизнь!

— В чем заключались наказания в семье знаменитого актера?

— Нет, отец не порол, как у Горького, по субботам. Зато орал систематически. Но я этого никогда не боялся. И еще с первого по десятый класс родители проверяли уроки. Когда это делала мама — для меня это было крайне плохо: она понимала все, что мы проходили, заставляла переделывать по несколько раз. А вот когда повинность контроля над моими домашними заданиями выпадала отцу, я блаженствовал: сразу нашел схему, как его водить за нос — надо было говорить слитно любую тарбарщину. Он при этом засыпал, но зато, как актер, режиссер и педагог, очень тонко чувствовал фальшь, если я сбивался со своей «роли».

— Но в школе, раз выгнали, этого, видимо, не оценили?

— Да уж. Зато уже по благу попал в другую — ту, где училась Катя Гердт.

Благодаря Гердту-старшему. Но и это учебное заведение я окончил плохо. В те годы большую роль играл средний балл аттестата, который прибавлялся к оценкам, полученным на вступительных экзаменах. У меня же был страшный средний балл — всего 3,3. И когда я сдавал документы в Щукинское, их принимала некая девица. Спрашивает: «У вас какой балл аттестата?» — «Три и три». Она: «Это до чего округляется?» Я (неуверенно): «До трех и пяти». Она: «А три и пять до чего округляется?» Я (уже в шутку): «До четырех». Она спокойно берет и пишет в окончательной ведомости: 4. Я вышел оттуда совершенно обалдевший. А потом вдруг мне так стало обидно за свою честно заработанную тройку, которую десять лет «выстрадал»... Сколько сил прикладывал, чтобы с «двух» до «трех» добрать. И тут вдруг росчерком пера какой-то кретинки стал хорошим. Было так обидно и горько почему-то!

Несмотря на наличие отца в данном заведении, все равно надо было все сдавать, как положено. Позднее и присутствие отца не спасло меня от того изгнания — с треском.

«Это не антисоветчина — молодые идиоты напились»

— Вы о той знаменитой истории с флагом, которая легла в основу кинокита «Русский ретайм»?

— Сережа Урсуляк, снявший этот фильм, учился со мной с первого курса — скромный, застенчивый мальчик откуда-то из Хабаровска, красневший даже от матерного слова. Во всей этой истории он не участвовал.

Я спокойно отучился два с половиной года в училище, пока не случилась эта история с флагами. Когда мы с друзьями 8 ноября сняли с одного из зданий красный флаг, бегали с ним по дворам и смотрели, как он

развевается. В итоге порвали его, и нас замели.

— То есть изымались над главным символом государства рабочих и крестьян?

— Не то чтоб изымались... Но за то, что нам, четверым, инкриминировали, могли сесть на семь лет. Это был 1977 год, как раз 60-летие Великого Октября. По этому поводу все ждали антисоветской провокации. И дождалось: на весь Союз был зафиксирован один случай — наш! На следующий день про нас передавал «Голос Америки» и ВВС, а наши документы лежали у Гришина — тогдашнего главного партийного начальника Москвы. Долго рассказывать, как все это пытались свести на нет, и понятно, чего это стоило нашим родителям. Но повезло: попался просто удивительный следователь КГБ, который понимал, что это никакая не антисоветчина, а просто молодые идиоты напились. В результате его доброго к нам отношения он спустя неделю закрыл это дело — мы заплатили штраф за мелкое хулиганство. А самого следователя тоже через неделю за его лояльность разжаловали и уволили из органов.

По инерции нас выгнали из комсомола, а следом — из института. Но все были рады, что так легко отделались. А дальше для меня было два года, что называется, в людях. Год работал в театре «Современник» монтировщиком декораций, потом вернулся в «Щуку», доучился и получил диплом. Ах да — перед восстановлением и после «Современника» еще год отработал грузчиком аппаратуры и радистом в Москонцерте, где в основном колесил по стране с ансамблем «Самоцветы». Там у меня была альтернатива — либо таскать на гастролях тяжелые ящики с аппаратурой, либо сидеть в гостинице и нянчить маленьких Володю Преснякова и Диму Маликова. Один раз попробовал, а на другой уже сказал: «Лучше буду таскать колонки!»

Михаил и жена Таня. И поросенок без имени